

Энергетические отношения на Ближнем Востоке

Александра Чувараян

Ближний Восток – один из самых динамичных и этнически разнообразных регионов мира и одновременно мировых центров роста напряжённости между странами. Энергетическая политика игроков на Ближнем Востоке обусловлена необходимостью обеспечения своей энергетической безопасности в условиях жёсткой конкуренции за энергоресурсы как стратегически важный компонент экономического развития. Для того чтобы выделить интересы ключевых игроков Ближневосточного региона, необходимо провести сравнительную характеристику между странами – экспортёрами и странами-импортёрами нефти и газа, а также проанализировать политику «третьих» сторон.

Общие энергоресурсы Ближнего Востока оцениваются 802, 1 млрд барр.¹

Саудовская Аравия владеет 265, 4 млрд барр., Иран – 154 млрд барр., Ирак – 141 млрд барр., Кувейт – 101, 5 млрд барр., ОАЭ – 98 млрд барр.¹ (табл. 1).

Страны Ближнего Востока суммарно производят 26, 9 млн барр. нефти и нефтепродуктов в день (для сравнения Россия – около 12 млн барр.)².

Крупнейшим потребителем ближневосточных ресурсов являются США, Япония, Китай, Германия, Южная Корея. За последние годы роль КНР значительно возросла в регионе, поэтому именно Китай становится игроком «номер два» на рынке ближневосточных энергоресурсов. Следует отметить,

ЧУВАРАЯН Александра Асватуровна – соискатель Дипломатической академии МИД России. E-mail: alexandra.chuvarayan@gmail.com

Ключевые слова: энергетическая политика КНР, ЕС, США, России; Ближний Восток, энергетическая безопасность.

что рост потребления энергоресурсов в КНР растёт более чем на 6% ежегодно.

США импортируют ежегодно 3, 878 млн барр., при этом цифра импорта нефти с Ближнего Востока и стран ОПЕК достигла 2, 334 млн барр., что составляет около 70% от общего объёма структуры импорта³.

Китай импортирует из стран Ближнего Востока 949 млн барр. ежегодно, что составляет 51% от общей структуры импорта нефти в КНР⁴.

Таблица 1

Статистические данные ОПЕК по ближневосточным разведанным запасам нефти (2012 г.)⁵.

Страна	Нефть, млн баррелей
Саудовская Аравия	265,405
Иран	154,580
Ирак	141,350
Кувейт	101,500
ОАЭ	97,800
Катар	25,382
ОМАН	5,500
Всего по Ближнему Востоку	796,845

В связи с современным переформатированием Ближнего Востока и политическими процессами, связанными с участием США в геостратегическом переделе региона, возник термин «Большой Ближний Восток» (*Greater Middle East*), который ввёл Дж.Буш во время саммита Большой восьмёрки в 2004 г.

Большой Ближний Восток включает арабские страны, страны Центральной Азии, Южного Кавказа, Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан, т.е. почти весь мусульманский мир, кроме мусульманских стран Юго-Восточной Азии.

Комплекс противоречий в области энергетической политики на Ближнем Востоке является продолжением политического кризиса в регионе в целом, и его необходимо рассматривать как продолжение геополитического конфликта интересов ключевых игроков региона – США, ЕС, КНР, России.

Стратегические интересы и энергетическая политика США

Соединенные Штаты Америки присутствуют в регионе с 1925 г., когда были обнаружены значительные запасы нефти и создано государство Саудовская Аравия.

В 1945 г. страны подписали соглашение «Пакт Куинси», в котором говорится о стратегическом партнёрстве и военном протекторате США над Саудовской Аравией. Анг-

лосаксонские компании в лице консорциума «Семь сестёр» работал и на территории всех стран Ближнего Востока, включая Ирак, Иран, вплоть до деколонизации и национализации правительствами этих стран своего нефтяного сектора. После национализации энергетического сектора США долго пытались повлиять на те ближневосточные страны, которые не давали доступа к своим энергетическим рынкам (Ливия, Ирак, Иран), но холодная война усугубляла картину, потому что СССР являлся поставщиком оружия на Ближний Восток и частично контролировал регион. После распада СССР стали выдвигаться теории разделения Ближнего Востока, так как контролировать раздробленный регион для США было бы гораздо легче.

Одним из теоретиков деления Ближневосточного региона по этническому признаку является американский учёный Бернард Льюис, советник по ближневосточным вопросам администрации Дж. Буша. В статье *Rethinking the Middle East* говорится о том, что понятие «Ближний Восток» с распадом СССР должно быть кардинально переосмыслено и предложена его новая карта⁶.

Льюис говорит о:

- целесообразности отделения от Сирии территорий, населенных друзами и алавитами, сделав их самостоятельными мини-государствами;

- необходимости основать карликовое маронитское государство на территории соответствующих районов Ливана;

- создании независимого Курдистана из регионов Турции, Ирака, Сирии и Ирана, населенных курдами;

- отделении районов Ирака, населенных шиитами, для создания там независимого государства;

- создании независимого арабского государства в Иране (провинция Хузестан), на территории которой расположена большая часть иранских нефтяных месторождений;

- разделении Пакистана с выделением независимого Белуджистана и объединения пуштунских районов, лежащих по обе стороны афгано-пакистанской границы в единое государство⁶.

Б. Льюис отмечает: «Наиболее радикальным средством противостояния фундаментализму является «ливанизация». Большинство государств Ближнего Востока – Египет здесь является исключением – являются недавними и искусственными конструкциями, весьма уязвимыми для данного процесса. Если центральная власть в государствах Ближнего Востока ослабнет, то исчезнет последняя сила, удерживающая государственное единство. Ведь в этих странах нет ни развитого гражданского общества, ни приверженности к государству-нации, ни общей идентичности. Тогда государство дезинтегрируется, как это случилось в Ливане, в хаотическое скопление борющихся друг с другом сект, феодов, регионов и партий»⁶.

Льюис считает, что сейчас Ближний Восток живёт в историческое время, когда у государств есть шанс «осознать ответственность за своё будущее» и обеспечить будущие поколения материальными благами, пользуясь своим достоянием».

США отдадут себе отчёт в том, что интеграция Ближнего Востока – идея утопичная ввиду многих факторов.

Единое арабское государство – это миф, в который, возможно, кто-то верит, но в силу исторически сложившейся картины на Ближнем Востоке он нецелесообразен, и такого сценария США не позволят. Действительно, после окончания холодной войны США – это единственная держава, которая в настоящее время может реально влиять на расстановку сил на Ближнем Востоке. И она не позволит ни одному из государств сконцентрировать в своих руках политическую и военную мощь, способную изменить политическую картину региона.

Каковы же современные интересы США на Ближнем Востоке, и почему идея создания Большого Ближнего Востока настолько активно пропагандируется западными СМИ?

– В рамках общей внешней политики США стремление включить в Большой Ближний Восток страны Среднего Востока и страны Азии подтверждает приоритет долговременного военного и экономического присутствия США в регионе, обеспечение стратегической близости своих военных баз к границам Китая, Ирана, Пакистана, стран СНГ. Цель – недопущение роста доминирования этих стран в долгосрочной перспективе.

– Обеспечение США национальной энергетической безопасности за счёт гуманитарных интервенций в Ирак, Ливию и другие государства идёт под эгидой установления демократических режимов, а также борьбы с терроризмом, которая лишь предлог для продвижения стратегических интересов США в Евразии.

Ни одно государство, на территории которого осуществлялись подоб-

ные интервенции и демократические войны, лучше жить не стало.

Терроризм в Афганистане непрерывно растёт, там прочно обосновались международные террористические организации, которые нацелены, в первую очередь, на государства Центральной Азии и Кавказ.

Такие исламистские группировки, как «Таблиге джамаат», «Нурджулар», «Хизб ут-Тахрир», «Ахль ас-Сунна ва Джамаа», «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Таджикистана» и другие в последнее время вовлекли в свои ряды значительное число граждан СНГ, в том числе России, а также Европы и США.

Зб.Бжезинский по вопросу о роли Ближневосточного региона в стратегии США отмечает, что государства от Казахстана и Азербайджана до Саудовской Аравии являются почти все ресурсодобывающими странами, где сконцентрированы крупнейшие месторождения мирового значения. А так как доступ к энергоносителям по разумным ценам жизненно важен для трёх наиболее динамичных в экономическом отношении регионов Северной Америки, Европы и Восточной Азии, то «стратегическое господство над этой зоной, пусть даже замаскированное соглашениями о сотрудничестве, было бы определяющим с точки зрения мировой гегемонии преимуществом»⁷. Активное продвижение США своей внешней политики на Большом Ближнем Востоке нацелено также на создание благоприятных режимов для работы транснациональных корпораций (ТНК), как это было и во времена существования «Семи сестёр».

Стратегия национальной безопасности США 2010 г. в части присутствия своего контингента в Ираке и в регионе в целом отмечает, что: «США будут продолжать наращивание своего гражданского контингента для обеспечения стратегически важных интересов в регионе. Мы меняем наши отношения в соответствии с интересами других стратегических партнеров в регионе»⁷.

При этом в Стратегии подчеркивается: «До тех пор, пока мы зависим от углеводородов, нам необходима уверенность в своей энергетической безопасности и свободном обращении энергоресурсов на мировом рынке (...) Если этого не происходит, то наша зависимость от энергопоставок будет продолжать подрывать нашу безопасность и могущество. Это сделает нас уязвимыми к перебоям энергопоставок и даст материал для манипуляций со стороны других стран в будущем»⁷.

США возглавляет блок НАТО, члены которого тоже стремятся к обеспечению своей энергетической безопасности и активно заявляют об этом.

Так, стратегическая концепция *Active Engagement, Modern Defense* 2010 г. подчеркивает, что обеспечение энергетической безопасности и свободного функционирования инфраструктуры станет одним из приоритетов блока в XXI в. В связи с тем, что «усиливается зависимость стран-членов от стратегической инфраструктуры, транспорта и транзитных путей,

по которым проходит международная торговля, а также зависит энергетическая безопасность... некоторые страны НАТО будут более зависимы от импорта углеводородного сырья и транзита для покрытия внутреннего спроса на энергию. . . Ввиду того что большая часть мирового потребления энергоресурсов транспортируется из-за рубежа, то возрастает возможность нарушения энергопоставок... Возрастающий спрос на энергоресурсы будет значительно влиять на планирование и операционную деятельность НАТО»⁸.

Документ *NATO 2020: assured security, dynamic engagement analyses and recommendations of the group of experts on a new strategic concept for NATO* (17. 05. 2010) раскрывает положения стратегической концепции альянса в части энергетики и подтверждает мысль о том, что защита энергетической инфраструктуры является важнейшей задачей альянса, а в случае нападения на транзитные пути поставок либо запланированных атак НАТО будет предпринимать соответствующие меры⁹. Иными словами, НАТО признает, что на сегодняшний день энергетическая безопасность всё ещё остаётся под юрисдикцией национальных государств, но в случае угрозы бесперебойному функционированию международного энергетического рынка либо обеспечению национальной безопасности стран-членов НАТО альянс будет предпринимать адекватные действия.

Стратегические интересы и энергетическая политика Европейского союза

Европейский союз имеет давние отношения со странами Ближнего Востока на двусторонней осно-

ве. На современную политику ЕС в регионе оказывает влияние сложный комплекс как интересов, так и исто-

рических проблем. Евросоюз привлекают стратегически важные энергоресурсы, но в отличие от интересов США энергетика не является ключевой областью его интересов в регионе. ЕС стремится обозначить собственную роль на Ближнем Востоке и самостоятельно принимать внешнеполитические решения на Евразийском континенте.

Стратегический приоритет региональной и глобальной безопасности. США с их военными ресурсами и влиянием на мировые процессы часто не координируют свою внешнюю политику в регионе с интересами Евросоюза (включая вопросы безопасности), но ЕС это не устраивает. Кроме того, энергетическая безопасность Европейского союза не является стратегически зависимой от экспорта энергоносителей из стран Ближнего Востока (менее 10%), поэтому стратегически важным вектором внешней политики ЕС является глобальная и региональная безопасность: угрозы терроризма, права человека, угроза военного столкновения по палестинско-израильскому направлению, традиционные режимы арабских стран, угроза распространения ядерного оружия. При этом стоит отметить, что ЕС после активных дебатов всё-таки поддержал войну в Ираке, де-факто поддерживает развитие и цели «арабской весны» и пытается принимать активное участие в реформах стран Ближнего Востока наряду с США. Очевидно, что в случае обострения ситуации по ядерной программе Ирана ЕС встанет на сторону США и будет активно «дожимать» Иран по иракскому и ливийскому сценарию.

В Стратегии европейской безопасности (2003 г.) еще Х.Солана отмечал, что «Вторая важнейшая тема – это близкое соседство Ближневосточного региона с ЕС. Ближневосточный вопрос является крупным вызовом и должен стоять в центре нашей стратегии соседства»¹⁰ с рядом расположенными странами, в том числе странами Ближнего Востока.

Участие в посткризисном демократическом строительстве Ирака. Война в Ираке 2003 г. показала неоднозначность отношений ЕС и США. Раскол среди стран ЕС на тех, кто принял участие в войне и тех, кто не послал свои войска в Ирак, продемонстрировал отсутствие единства среди членов ЕС.

В состав коалиционных сил в Ираке вошли военнослужащие 15 из 27 стран ЕС, из которых до 2004 г. членами ЕС были только Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Дания и Португалия.

ЕС видит свою задачу в Ираке в том, чтобы «помочь стране использовать эффективно собственные ресурсы»¹¹.

В 2011 г. выходят «Стратегия ЕС в отношении Ирака» и «Многолетняя индикативная программа», направленные на укрепление иракских политических институтов и создание демократической системы управления.

Одной из важнейших целей сотрудничества является помощь беженцам и перемещённым лицам. На это ЕС (2006–2009 гг.) ассигновал 145 млн евро.

В качестве важной задачи сотрудничества ЕС рассматривает и содействие в восстановлении системы образования в стране, которая понесла тяжёлые потери после 2003 г. В

октябре 2003 г. на Мадридской конференции при участии ЕС было принято решение выделить 33 млрд долл. на его восстановление, из которых 1 млрд предоставила Великобритания и 1,5 млрд другие страны ЕС. Франция платить отказалась, а Европейская комиссия предоставила 518,5 млн евро.

В ноябре 2006 г. ЕС и Ирак подписали Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, которое определяло его масштабы и интенсивность.

Помощь Евросоюза Ираку в 2003–2008 гг. составила 933,1 млн евро в форме грантов. До 2004 г. она предоставлялась через иракское отделение Международного фонда реконструкции, однако после того как деятельность фонда в Ираке была свёрнута, дальше шла на двусторонней основе. На период 2009–2010 гг. Европейская комиссия выделила Ираку 65,8 млн евро¹¹.

В 2010 г. ЕС и Ирак подписали Меморандум о взаимопонимании в вопросах стратегического партнёрства в энергетической сфере, который касался вопросов подключения газовых ресурсов Ирака к снабжению Европы и помощь ЕС Ираку в реформировании его энергетики.

Ведутся также переговоры о подписании Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве.

Участие в ближневосточном урегулировании. Европейский союз участвует наряду с США, Россией и ООН в «ближневосточном квартете» палестино-израильского урегулирования, и эта проблема является одной из ключевых в его внешней политике.

ЕС рассматривает решение проблемы отношений между Израилем и

Палестиной в качестве «стратегического приоритета». Как записано в Европейской стратегии безопасности, без решения этой проблемы «решение других проблем Среднего Востока имеет мало шансов на успех»¹².

«Стратегия построения государственности на Ближнем Востоке» – документ, разработанный Х.Соланой и комиссаром ЕС по международным отношениям Б.Ферреро-Валднером, – основывается на нескольких ключевых позициях ЕС по отношению к ближневосточному урегулированию. Мир на Ближнем Востоке – это стратегическая цель политики ЕС в регионе. При этом говорится, что любые израильские поселения могут существовать лишь на основе принципов мирного урегулирования, соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, а также Арабской мирной инициативы и достигнутых предыдущих договорённостей¹³. Особо отмечается роль в палестино-израильском урегулировании («квартете») США. ЕС даёт однозначную позицию по квартету, подтверждая свою приверженность и политическую волю по «поддержке Правительства США в его текущих инициативах по посредническим усилиям в урегулировании ближневосточного кризиса»¹³. Как видно, Россия не упоминается нигде, а признаются инициативы США и их доминирующая роль в квартете. Далее, рекомендации лежат в плоскости построения палестинской государственности, где Евросоюз выступает с инициативой поддержки палестинцев и оказания помощи в построении демократической Палестины, а также поддержке палестинской экономики и проведении реформ

для развития палестинских экономических, финансовых и государственных институтов.

Стратегия присутствия ЕС на Ближнем Востоке строится на налаживании отношений между Европейским союзом и исламским миром, а также возобновления переговоров по иранской ядерной программе.

По исламской проблеме считается, что легализация исламских партий и их вовлечение в политические процессы в регионе является более безопасной альтернативой их нелегальному существованию, усиливающему влияние фундаментализма на жизнь исламских стран и мусульманских общин в самой Европе. Единственный район Ближнего и Среднего Востока (БСВ), с которым отношения ЕС, с известной долей упрощения, можно назвать лишёнными больших проблем, объединяет группу стран, куда в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) входят Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Оман, Катар и Бахрейн. К этой же категории стран можно отнести и Йемен.

Здесь основными для внешней политики ЕС остаются вопросы соблюдения прав человека и сохраняющиеся на неформальном уровне связи стран Залива с террористическими организациями.

Что касается иранской ядерной программы, то после войны в Ираке (2003 г.) переговоры возглавил ЕС и было подписано Парижское соглашение, где Иран обязался предоставить гарантии мирного характера своей ядерной программы и временно отказаться от работ по обогащению урана.

Инициатива ЕС определялась, в первую очередь, стремлением предотвратить возможность военного решения конфликта, что соответствовало европейскому подходу к политике – решать конфликтные ситуации не с помощью силы, а путём переговоров. Эти различия чётко проявились в неприятии Францией и Германией американского метода решения проблемы Ирака (1993 г.). Евротройка была основным каналом переговоров с Ираном до весны 2005 г., когда премьер-министром Ирана был избран М.Ахмадинежад, который отверг все уступки Западу.

Инициатива в решении иранской проблемы перешла к регулярным встречам представителей США, России, Китая, Франции, Германии и Великобритании («Группа шести») без участия Ирана, который мог контактировать со своими оппонентами в рамках переговоров с МАГАТЭ при участии Х.Соланы (от ЕС).

В июне 2006 г. «Группа шести» предложила Ирану начать прямые переговоры, но Иран заявил, что вести их он будет только в случае, если ему не будут предъявляться предварительные условия, в частности в отношении прекращения работ по обогащению урана.

СБ ООН в июле 2006 г. принял резолюцию № 1696, требовавшую от Ирана к 31 августа прекратить все работы по обогащению урана. Иран продолжал переговоры с МАГАТЭ, а США продолжили обнародование данных о приближении Ирана к созданию ядерного оружия.

Потеря ЕС инициативы ведения переговорного процесса с Ираном свела его роль к дублированию американской позиции. Связано это с

тем, что ЕС пытается обозначить собственную внешнюю политику, но входит в противоречие с зависимостью от США и НАТО.

Экономические интересы в торговле со странами Ближнего Востока. За последние пять лет экономические связи ЕС со странами БСВ растут, хотя их место в объеме торговли ЕС остаётся на уровне 4% для импорта и 7% для экспорта¹⁴.

Доля импорта нефтепродуктов из региона составила в 2008 г. 11,2% от общего объема импорта ЕС этой группы товаров. Для большинства стран региона ЕС является крупнейшим импортёром.

Нефть, на которую приходится свыше 80% продаж стран региона, направляется в основном в страны Дальнего Востока и США.

Крупнейшим торговым партнёром ЕС в регионе является Саудовская Аравия, на которую приходится

свыше четверти объема торговли ЕС с БСВ. Второе место в торговле ЕС с регионом занимают ОАЭ, что определяется большим объемом экспорта ЕС в эмираты, который в 2008 г. составил 31,7 млрд евро.

На сегодня экономические и политические отношения ЕС с Ираном, который занимает третье место в торговле ЕС с регионом, поддерживаются на не слишком высоком уровне. С 2002–2005 гг. действовало Соглашение о торговле и сотрудничестве, действие которого было прекращено после заявлений Ирана о возобновлении ядерной программы. Иран не является членом ВТО, что определяет отсутствие между ЕС и Ираном соглашения о торговле. Хотя Иран – это 4 страна в мире по добыче нефти, импорт в ЕС энергоносителей в 2008 г. составил 2,7% от общего объема импорта ЕС. Многие европейские компании проводят политику санкций в отношении Ирана.

Стратегические интересы и энергетическая политика Китайской Народной Республики

Основой всех дипломатических отношений в мире КНР считает успешное и взаимовыгодное сотрудничество, гармоничный путь развития и невмешательство во внутренние дела государств, уважение их суверенитета. Современные интересы КНР на Ближнем Востоке целесообразно рассматривать в рамках эволюции общего внешнеполитического курса, а также прагматичной модели экономического сотрудничества.

Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай во время выступления в Египте (1964 г.) выделил основные принци-

пы отношений государства со странами Ближнего Востока, которые впоследствии стали основными принципами китайско-арабского взаимодействия:

- поддержка национальной независимости арабских стран и ведение борьбы против империализма, а также старых и новых колонизаторов;
- поддержка политики нейтралитета и неприсоединения арабских стран;
- поддержка единства арабских стран в выборе пути развития;
- невмешательство во внутренние дела, выработанные арабскими

странами для решения внутренних проблем.

Рост экономики КНР ускорился к концу 80-х годов, когда была разработана новая внешнеполитическая доктрина.

В Ближневосточном регионе КНР имеет интересы, основанные на долгосрочном экономическом сотрудничестве и взаимовыгодном партнёрстве. Ключевыми целями являются рост стоимости китайских компаний за счёт развития экономических и торговых отношений и координация действий по международным вопросам в рамках двустороннего сотрудничества.

Приоритетные направления:

- сотрудничество в области энергоресурсов и реализация совместных проектов по развитию инфраструктуры;

- расширение нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих мощностей. Таким образом, КНР выстраивает экономическую дипломатию по линии взаимовыгодного сотрудничества и проектной деятельности.

55% импорта нефти в КНР приходится на страны Ближнего Востока, и данная отрасль является стратегической для китайского партнёрства.

Саудовская Аравия – крупнейший торговый партнёр КНР с 1973 г. В 1999 г. было подписано Стратегическое Соглашение о кооперации в нефтяном секторе. В Меморандуме о взаимопонимании (2005 г.) между КНР и Саудовской Аравией указывается увеличение импорта на уровне 1 млн барр./день в 2010г.¹⁵

До начала ливийских событий более 75 китайских компаний (*Xunfu, China State Engineering Corporation,*

China Railway Construction Corporation, China Civil Engineering, China Gezhouba Group, Huawei Technologies и др.) вели работы в Ливии, реализовывая более чем 50 строительных инфраструктурных проектов.

КНР пришел на кувейтский рынок через госкорпорацию *China National Petroleum Corporation (CNPC)* в 1983 г., расширение бизнеса произошло в 1995 г., когда *CNPC* выиграла тендер на разработку месторождений в Кувейте. КНР является крупнейшим партнёром Кувейта по импорту сжиженного газа.

Соглашение о ежегодном импорте 3 млн т сжиженного газа с Катаром было подписано в 2003 г. Все эти инициативы – доказательство того, что КНР проводит активную и прагматичную политику со всеми государствами Персидского залива и Ближнего Востока.

Сотрудничество в области энергетики до революции в Ливии шло по линии китайской компании *Petro China*, которая понесла убытки после кризиса – порядка 1, 2 млрд долл.

Ближний Восток и после революционных событий остаётся перспективным регионом для дальнейшей разведки энергоресурсов и участия китайского капитала и рабочей силы при добыче и транспортировке нефти.

Такая же ситуация и в китайско-иракских отношениях. К началу 90-х годов КНР занимала одно из первых мест по разработке иракской нефти, что было нарушено после вторжения США в Ирак.

Позиция КНР по иракскому вопросу состояла в том, что КНР соглашалась на принятие резолюций по Ираку о проведении военной инспек-

ции иракских военных объектов, как одного из методов мирного решения международного спора, но была решительно против воздушных ударов США по Ираку как односторонней акции, не санкционированной СБ ООН. После войны 2003 г. КНР взяла курс на укрепление отношений с новым иракским правительством. Одной из приоритетных целей вновь открытого в Багдаде посольства КНР явилось активное содействие участию китайских компаний в послевоенном восстановлении Ирака.

В 2007 г. президент Ирака Дж. Талабани нанёс государственный визит в КНР. Стороны выразили заинтересованность в укреплении сотрудничества. Талабани заверил китайскую сторону в том, что Ирак намерен всячески привлекать китайские капиталовложения, в том числе в области осуществления инфраструктурных проектов китайскими подрядчиками на территории его страны.

По итогам китайско-иракских переговоров был подписан ряд соглашений о сотрудничестве. В их числе соглашение о списании иракского долга.

К 2009 г. Ирак вновь вышел на 7 место по экспорту нефти в КНР (7,163 млн т). В 2009 г. *CNPC* (КНР) в партнерстве с *BP* (Великобритания) подписала с *State Oil Marketing Company* (Ирак) 20-летний сервисный контракт на освоение иракского ме-

сторождения Румайла – крупнейшего из ныне действующих в стране. Кроме того, *CNPC* (в альянсе с французской *Total*) получила права на разработку месторождения Хальфайя на юге Ирака.

К этому моменту государственный долг Ирака КНР был списан на 80%.

Примером активного диалога между КНР и странами Ближнего Востока является заключенное недавно соглашение о сотрудничестве между КНР и *ССАПЗГ*¹⁶, в котором отмечается, что экономическая основа сотрудничества с КНР заключается в проведении работы по линии КНР – *ССАПЗГ*, увеличении инвестиций, расширении механизмов сотрудничества, включая культурные и образовательные.

Необходимо отметить, что после иракской войны, китайские компании стали участвовать в проектах на территории стран Ближнего Востока совместно с западноевропейскими либо американскими, в консорциуме, т.е. прибылью всё же пришлось поделиться. КНР к 2020 г. планирует обеспечить импорт 12 млн бар. нефти в день, что составляет увеличение уровня импорта в три раза. Это потребует не просто развития торговых связей, но и принципиально нового уровня стратегического сотрудничества КНР со странами Ближнего Востока.

Стратегические интересы и энергетическая политика Российской Федерации

История присутствия России на Ближнем Востоке начинается со времён Киевской Руси, когда был налажен торговый обмен с Византийской империей по торговому пути

«из варяг в греки». Геополитическое положение Киевской Руси определяло отношения к Византии и арабскому миру и стало причиной активной политики.

Новый этап сотрудничества со странами Ближнего Востока совпал с началом Первой мировой войны и революции в России. Турция и Иран всегда были традиционными странами российских стратегических интересов. После краха британских и французских позиций на Ближнем Востоке СССР попытался выработать политику, которая открывала бы для него новые возможности.

Однако Москве не удалось единолично заполнить вакуум, образовавшийся после ухода Великобритании и Франции с ближневосточной сцены. Резко активизировали свою политику в регионе США.

До 1956 г. Ближний Восток занимал скромное место на шкале советских внешнеполитических приоритетов. Но в период Суэцкого кризиса он снова оказался в фокусе внимания Москвы. Начало активному советскому вовлечению в дела Ближнего Востока положил Хрущев, согласившись снабжать оружием Египет. С обострением холодной войны Ближний Восток превратился во второй после Германии ее полигон. Несколько десятилетий отношения в этом регионе, где палестино-израильский конфликт стал наиболее затяжной и трудноразрешимой проблемой, если не определялись, то в значительной степени корректировались уровнем противоборства двух сверхдержав. С окончанием холодной войны, после 1990 г., расстановка сил существенно изменилась, а вместе с ней и внешняя политика России в постсоветский период. Выделим ключевые факторы, влияющие на ближневосточную внешнюю политику России:

Внутренние политические изменения в России и переход к ры-

ночной экономике. В рамках перехода к однополюсному миру во главе с США позиции России после распада социалистической системы значительно ослабли. Разоружение, ограничение экспорта советского ВПК и военной поддержки арабских стран оказали решающее влияние на российскую внешнюю политику в регионе. Уровень нефтедобычи в России в 1990 г. снизился, импортёры нефти и газа переключились на другие рынки (АТР), а также традиционные ближневосточные регионы (Саудовскую Аравию, Кувейт, Катар и т.д.), где политическая стабильность гарантирована США.

Усиление американских позиций на Ближнем Востоке на страны, традиционно туда не входящие. США играют центральную роль в решении ближневосточных вопросов, что было наглядно продемонстрировано вовремя войны в Персидском заливе и созыве мирной конференции по Ближнему Востоку в Мадриде, когда в основном благодаря усилиям госсекретаря Дж.Бейкера, впервые с момента провозглашения государства Израиль удалось усадить за стол переговоров все стороны, вовлеченные в палестино-израильский конфликт.

Помимо расширения понятия «Большой Ближний Восток» на страны, традиционно туда не входящие (Иран, Афганистан и Пакистан, т.е. Средний Восток), США стремятся включить в этот регион Закавказские исламские республики Центральной Азии и Закавказья для создания «общего исламского рынка». Эта идея разрушения последних союзнических отношений с Россией постсоветских республик и создания

этнически недовольного настроения населения направлено против России с конечной целью вытеснение её из этих регионов сначала экономически, а потом и в военно-политическом плане.

Зб.Бжезинский по ближневосточному вопросу отмечает: «Сейчас возник новый мировой беспорядок, Ближний и Средний Восток стали районом, где каждое государство может безнаказанно добиваться изменения статус-кво, создавая угрозу кризиса. Этот регион ныне играет ту же самую роль, какую играли Балканы в мировой политике накануне Первой мировой войны»⁷.

Восстановление дипломатических отношений России с Израилем. В связи с новой расстановкой сил после 1991 г. восприятие внешней политики России на Ближнем Востоке как западноевропейскими странами, так и США очень отражает настроения политической элиты этих стран по отношению к «успехам» и позициям России.

Любое достижение России в регионе сразу либо определяется как «наращивание имперских амбиций» либо как «угроза мировой стабильности и наращивание мускулов».

Например, ДжМалброн, главный редактор ближневосточной рубрики влиятельной французской газеты «*Le Figaro*», в статье «Россия на Ближнем Востоке отражает общую позицию западных СМИ по отношению к российской внешней политике»¹⁷: «Защита национального суверенитета и неприятие вмешательства во внутренние дела государств входят в число принципов, которые Россия защищает (иногда даже чрезмерно) жёстким и решительным образом;

Любое вмешательство НАТО воспринимается в Москве с недоверием: международная организация не вправе заниматься сменой режимов, решение о которой может принять лишь исключительно мирное население». И далее, по вопросам безопасности и принципа невмешательства во внутренние дела государств: «Россия буквально одержима своей безопасностью, в первую очередь, с точки зрения вмешательства других государств. В Москве укоренилась навязчивая идея об американском «заговоре» как в арабских странах, так и в государствах ее собственной сферы влияния. Параноидальная вера в теорию заговора сегодня сильна как никогда. Одним из ее проявления стала попытка приравнять к преступлению любое внешнее финансирование российских НКО. Как и недавнее выдворение из страны Агентства США по международному развитию».

В части мусульманского вопроса *LeFigaro* отмечает: «Власти опасаются, что нынешняя радикализация в мусульманском мире может отразиться на внутренней безопасности России и стран Средней Азии. Это беспокойство тем сильнее, что в стране укоренилось традиционно негативное восприятие мусульманского мира, который еще в XIX веке считали диким, жестоким и бескультурным пространством. Эта ксенофобия изначально была направлена в сторону Турции, однако затем перекинулась также на персов и арабов».

Здесь особо удивляет то, что автор говорит о российской ксенофобии, в то время как вся история российской империи подтверждает

факт признания того, что мусульманское население России является коренным для нашей страны и гармоничное сосуществование религиозного и этнического факторов всегда являлось приоритетом и сейчас прописано в Конституции. Это уже не говоря о том, какую националистическую политику в отношении мусульманского населения проводит современная Европа, где откровенно закрываются двери для иммигрантов из арабского мира.

Далее автор *LeFigaro* продолжает тему великодержавных амбиций: «Стремление России заявить о себе как о великой державе также играет важную роль в ее поведении на международной арене. Так, в уже упомянутом выше выступлении в Мюнхене звучит критика однополярного (то есть ведомого США) мира, которая свидетельствует о желании Москвы, как в прошлом, играть ключевые роли.

Текущая модель не только неприемлема, но и невозможна для России, подчеркивал Путин. В лучших традициях Советского Союза она без колебаний грозит использовать (и нередко использует) свое право вето, чтобы создать препятствия для интересов США, а также добиться от них признания ее великой державой. Применительно к Ближнему Востоку это означает, что Москва больше не хочет позволять американской сверхдержаве действовать так, как ей вздумается, и собирается играть весомую роль в этом стратегическом регионе».

В заключение автор оценивает позицию России по «арабской весне» и говорит о том, что «в целом все можно свести к трем словам: замеша-

тельство, недоверие и осторожность». Объясняется это тем, что Россия не хочет, с одной стороны, быть «белой вороной» на фоне мирового сообщества, стремится не потерять поддержку США по другим направлениям, а с другой – боится радикализации исламского вопроса в своих кавказских республиках.

По Сирии существует традиционная для западных СМИ трактовка российской позиции. Сущность этой позиции заключается в том, что Сирия – это последний опорный пункт России на арабском Ближнем Востоке. Военно-техническое сотрудничество насчитывает долгую историю и принимает самые разные формы. На вооружении сирийской армии (одна из самых многочисленных на Ближнем Востоке – 400 000 чел.) стоит преимущественно российская техника, которая в прошлом закупалась примерно на 700 млн долл. в год. Несколько поколений сирийских офицеров прошли подготовку в России, что повлекло за собой формирование личных связей.

Созданная в 1971 г. российская военно-морская база в Тартусе (единственная на всем Средиземноморье) сегодня функционирует. В стране по-прежнему работают российские военные консультанты. В мае 2011 г. были заложены основы сотрудничества в ядерной и энергетической сфере.

Россию пытаются представить в качестве «мирового агрессора» так, как это делалось перед вторжением в Ирак и делается по иранской ядерной программе. Это делалось и перед Первой мировой войной, и перед Второй мировой войной, и всегда, когда политический и экономичес-

кий подъём России стоял на пути мирового господства той или иной группы стран. Наши успехи на международной арене в качестве крупной державы вызывают настороженность и опасения у стран-членов НАТО в первую очередь. После холодной войны Россия по-прежнему входит в так называемые государства «оси зла», опасные, по мнению администрации США, «государства-изгои», но, по всей видимости, занимает в этом списке ключевые позиции. Это очень опасно, потому что пиар-фон, формирующий общественное мнение европейских и американских «масс», крайне негативен по отношению к России.

Заключение

Анализ стратегических позиций ключевых международных игроков в регионе позволяет сделать вывод о том, что энергетическая политика России на Ближнем Востоке будет осуществляться на фоне комплекса противоречий, интересов и нерешённых проблем, а также в условиях жёсткой конкуренции и политической нестабильности региона. Российскому бизнесу предстоит задача не просто обеспечить присутствия в регионе, но, прежде всего, восстановить утраченные позиции в тех странах, где долги СССР были списаны в расчёт на новые тендеры либо торговое сотрудничество. После «арабской весны» ситуация лучше не стала, так как многие контракты были заморожены или расторгнуты в одностороннем порядке.

Ближневосточный регион с его колоссальными ресурсами в XXI в. останется ареной противоречий между США, КНР, ЕС, Россией и

Дискредитация дипломатических усилий в ближневосточном урегулировании, принижение роли России как миротворца ведёт к созданию крайне низкого имиджа нашей страны, вследствие чего процессы дезинтеграции оппозиционно настроенных слоев населения даже внутри страны обостряются.

Тем не менее трудности современного этапа ближневосточной политики России не должны стать препятствием для реализации последовательной и долгосрочной политики России в регионе. Рассмотрим ключевые возможности развития ближневосточной политики России на перспективу.

другими игроками, которым приходится проводить свою политику в условиях жёсткой конкуренции. Чтобы выделить основные направления внешней политики России в регионе, выделим ключевые процессы, в условиях которых она будет проводиться:

Ужесточение экономической экспансии США – следствие вложенных инвестиций в реформирование Ближнего Востока (Ирак, Ливия, Египет). США будут пытаться всеми силами закрепить за собой монополию и концессионные условия работы своих компаний в Ираке и Ливии, давить на правительства, пришедшие к власти с их помощью с целью пересмотра или расторжения заключенных контрактов с другими странами; проводить «расторговку» по нефтяным полям с участием если и международных компаний, то обязательно консорци-

умов, в которых немалую долю будут занимать американские бизнес-структуры.

Всё это уже было в Ираке в рамках трансформации его энергетического сектора. США будет опасаться присутствия КНР из-за прочных позиций китайских компаний в регионе и положительной репутации Китая среди ближневосточных стран.

Активная экономическая политика КНР. Китай будет проводить активную экономическую экспансию на Ближнем Востоке, обеспечивая доступ к энергоресурсам для своих компаний, для обеспечения роста своей экономики в рамках 8–9% ежегодно.

В исследовании Министерства Обороны США по политике КНР на Ближнем Востоке отмечается, что США следует особенно обратить внимание на китайскую «мягкую силу» в регионе, потому что она включает в себя торговлю и инвестиции, трансферт технологий, продажу вооружений и может привести к переориентации стратегического партнёрства стран Ближнего Востока с США на КНР, включая военный компонент: «Подход КНР с акцентом на применение «мягкой силы» может привести к двум последствиям: обеспечению своего доступа к энергетической инфраструктуре Ближневосточного региона и значительному сокращению влияния США в регионе. Успехи политики Китая на Ближнем Востоке могут в будущем покрывать его спрос на энергоресурсы и сокращать военные возможности США в Персидском заливе в моменты кризиса.

Рост китайской экономики на уровне 8,1% в год до 2020 г. будет оп-

ределять огромный спрос на ресурсы»¹⁸.

КНР настолько успешна потому, что проводит экономическую политику вне зависимости от характера правящего режима либо несоблюдения в стране прав человека. Именно поэтому, с 2005 по 2010 гг. товарооборот между странами Ближнего Востока и КНР возрос на 87%, а экспорт нефти в КНР – на 25%¹⁸. Ожидается, что к 2020 г. товарооборот КНР со странами региона составит между 400 и 500 млрд долл., и это огромная сумма.

Сохраняющиеся противоречия палестино-израильского конфликта. В ближайшей перспективе, противоречия палестино-израильского конфликта будут не только сохраняться, но и усугубляться, так как «квартет» способен только сдерживать насилие в регионе. США будет всячески отстаивать позиции Израиля, в то время как Палестинская автономия будет настаивать на возвращении к границам 1967 г. и ликвидации израильских поселений.

Вмешательство НАТО в региональные конфликты на Ближнем Востоке (санкции против Ирана, кризис в Сирии). НАТО будет пытаться диктовать свои условия в регионе, включая ядерную программу Ирана и химическое оружие Сирии. Если Россия и КНР позволят НАТО применить военную силу, то мировой баланс будет критически нарушен, а «точка невозврата» к стратегически важной мировой стабильности будет пройдена. Можно утверждать, что глобальная стабильность будет зависеть от позиции и уверенности России и КНР.

В условиях растущего комплекса противоречий в регионе одним из важнейших моментов является недопущение эскалации военных конфликтов. России необходимо сохранять военное присутствие на Ближнем Востоке, потому что контроль над этим регионом означает влияние на ключевые политические процессы в Центральной Азии, на Южном Кавказе и Черноморском регионе, т.е. в перспективных областях богатых нефтью.

Баланс интересов на Ближнем Востоке предполагает проведение многовекторной политики, которая ставит перед собой задачу восстановления позиций России в традиционно партнёрских странах (Иран, Ирак, Ливия, Египет), а также экономическую экспансию на новые рынки, которые попали в зону влияния США – страны Персидского залива. **Поэтому ключевыми направлениями российской энергетической политики на Ближнем Востоке могут стать:**

- интенсификация двустороннего торгового сотрудничества со странами Ближнего Востока;
- инвестиционное взаимодействие в энергетической сфере – прямые инвестиции на двусторонней основе, улучшение режима для трансграничных инвестиций, т.е. расширение круга стран, с которыми заключены соглашения о взаимной защите капиталовложений;
- участие российских энергетических и строительных компаний в государственно-частном партнёрстве на территории стран Ближнего Востока, строительстве ключевой гражданской и энергетической инфраструктуры;
- создание странами Ближнего Востока «фондов развития регионов» и участие России в них;
- усиление международного сотрудничества российских компаний с другими иностранными компаниями на паритетной основе (договоры подряда, субподряда, покупка миноритарных долей в компаниях);
- активное усиление «мягкой силы» – финансирование курсов для персонала, создание сети образовательных предприятий энергетического сектора, рост обмена опытом в части производства, строительства энергоинфраструктуры, обучение российскими специалистами (пример Ирана);
- взаимная либерализация доступа на рынки и согласие на применение определённых инструментов торговой политики;
- реализация многосторонних программ по приоритетным направлениям сотрудничества, создание Межгосударственных программ сотрудничества до 2030 г. по определённым темам (инновации, модернизация проектного комплекса и т.д.);
- активное развитие энергетической дипломатии, т.е. элемента государственной дипломатии для обмена информацией по актуальным проблемам энергетической политики, энергетических рынков и участия в международных энергетических организациях.

На начальном этапе восстановления позиций России на Ближнем Востоке, крайне важно закрепить успешные шаги экономического сотрудничества, и только тогда будет возможна более полная и масштабная экспансия российского капитала. Целесообразно перенять опыт КНР, которая, вне зави-

симости от политического курса партнёров и интересов США, проводит последовательно и динамично свою экономическую политику, усиливает взаимные инвестиции и договаривается с учетом интересов другой стороны. Россия только в случае взаимной экономической зависимости и наработанного доверия сможет обеспечить дальнейшее усиление влияния в регионе.

Примечания

- ¹ US Energy Information Administration. International Energy Statistics 2013 // URL: <http://www.eia.gov>
- ² US Energy Information Administration. International Energy Statistics 2012 // URL: <http://www.eia.gov>; OPEC Annual Statistical Bulletin 2012 // URL: http://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
- ³ US Energy Information Administration. US Imports by country of origin 2012 // URL: http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbb1_a.htm
- ⁴ US Energy Information Administration. China report 2012 // URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=CH>
- ⁵ OPEC Annual Statistical Bulletin 2012 // URL: http://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
- ⁶ Lewis B. Rethinking the Middle East // University of Washington Lecture, 1992. P. 12, 14
- ⁷ Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. С. 95, 26, 167.
- ⁸ Active Engagement, Modern Defense, 2010.
- ⁹ NATO 2020: assured security, dynamic engagement analyses and recommendations of the group of experts on a new strategic concept for NATO, 17 мая 2010. P. 46 // URL: www.nato.int
- ¹⁰ November 26, 2003: Address by Javier Solana, European Union High Representative for the Common Foreign and Security Policy, at the Royal Institute for International Relations on «The voice of Europe on security matters» // URL: http://www.eu-un.europa.eu/articles/fr/article_3050_fr.htm
- ¹¹ Capacity Building Program for Iraq 2009–2010. European Commission – External Relations. 15/07/09.
- ¹² A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003. P. 8.
- ¹³ Statebuilding for the peace in the Middle East: and EU action strategy. Joint Paper by the EU High Representative Javier Solana and EU Commissioner for External Relations Benita Ferrero-Waldner, 2007.
- ¹⁴ DG trade statistic, 2009.
- ¹⁵ Saudi Arabia. Country Analyses Brief. EIA, 2012 // URL: www.iea.doe.gov
- ¹⁶ Коммюнике МИД КНР по итогам многосторонних переговоров. 12 февраля 2009 // URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjw/zzjg/xybfs/dqzzywt/t536838.shtml>
- ¹⁷ La Russie au Moyen-Orient, par Denis Bauchard // Le Figaro, 26 октября 2012 // URL: <http://blog.lefigaro.fr/malbrunot/2012/10/la-russie-au-moyen-orient-par.html>
- ¹⁸ CENTCOM's China Challenge: Anti-access and Area Denial in the Middle East. 21st Century Defense Initiative Policy Paper. Brookings press, 2012. P. 8.